

II. Двадцать лет

Какой-то художник нарисовал однажды серию эскизов под общим заглавием: «Когда взрослые бы пели детям». Рисунки эти изображали взрослых во всевозможных позах, и в которых они уподоблялись маленьким детям. Один из них изображал господина, подарившего своему сыну игрушечный паровоз и рельсы, которыми все время забавлялся сам, не давая ребенку подойти к игрушке. Другой рисунок изображал маленького, забравшегося в чужую квартиру с инструментами для взлома, но так занявшегося подтачиванием качавшейся головы фарфорового китайца, сидящего, скрестивши ноги, на шкафчике, что и забыл о том, что забрался сюда для взлома.

Много можно было бы перечислить случаев, где взрослые уподобляются детям, но чаще всего они уподобляются тому мальчику, который, несмотря на многочисленные предупреждения о том, что спичками играть не следует, ибо ими можно не только обжечься, но и сгореть. — все равно играет ими до тех пор, пока не обожжется.

Так поступают многие взрослые, так иногда поступают даже умные взрослые, и ни один, ни два, а целые общества, государства и даже несколько государств сразу.

Надо было, чтобы прошло двадцать лет, надо было дождаться, чтобы французские писатели и журналисты Андре Жид, Селин, Доржезес съездили в советский рай, чтобы туда же прокатился генеральный секретарь Великобритании тедд юнконов, надо было дождаться их донесений об этой «благословенной» стране, чтобы вдруг мир задумался над тем, что в ней происходит.

Двадцать лет потерять раньше, чем заметить весь ужас, всю ложь и смертельную опасность того, что куется в этой илзеуловской кузнице!

Надо было, чтобы Жид написал книгу о полном удручении свободы и человеческого духа в СССР, чтобы Селин написал другую книгу об ужасах советских «достижений», Доржезес — о тех же ужасах давний репортаж во французской прессе, Сэр Вальтер Ситрин издал свою книгу «Я ищу правду в России», где убедительными шифрами, простыми сравнениями изобличает ложь и трюки советских давних, для того, чтобы мир вдруг заметил и заволновался о том, что 20 лет оставалось его безразличным.

Двадцать лет, бежавшие из пределов России народы, рассеявшись по лицу земного шара, предпочтя голод, тяжелые условия жизни, унижения и оскорбления — ни и террору таинственной власти, прикрывшейся флагом рабочего движения, — говорили и писали о той элементарной правде, о которой только теперь заговорили европейские писатели, взывали к миру, предупреждая его о грозившей ему опасности. Но мир не замечал этих миллионов людей, поборников духа, свободы, правды и права, как и не слушал их призывов и предупреждений...

Он не прислушивался к их рассказам и пережитых ими ужасах, о беззастенчивой лжи, злобе и разврате, самом циничном, самом отравительном, советских диктаторов.

Мир не слушал рассказы беженцев о том, что все там ложь: и теория Карла Маркса, и братство и товарищество, что ничего этого там не было и нет, а есть только ложь, клевета, донос, провокация, безпризорность, всевозможные виды проституции, вплоть до детской грабежи, убийства и многое другое и что верно там только одно: растлить, посеять раздор, чтобы захватить власть.

Но мир не слушал этих рассказов. Упоенный милой либерализма, он щеголял им и большинством, смотря на эмигрантов свысока. Он не пожелал понять эмигрантскую трагедию, и, думая, что так моднее, заигрывал и кокетничал с большевиками.

Пользуясь этим, темные элементы ковали железо пока горячо и плели в подполье те сети, в которые лопнули, связывали безнечных, доверчивых людей.

Двадцать лет прошло, пока мир заметил ту разрушительную работу, которую сделали за это время большевики на всем земном шаре.

Двадцать лет ушло на то, чтобы он смутно начал воображать, что этой разрушительной работе помогал он сам. Он заметил это только тогда, когда начали страдать его собственные интересы и когда жизнь из спокойной превратилась в жизнь на вулкане...

Шутка начала принимать плохой оборот. Спички вспыхнули в руках непослушного ребенка и загорелось на нем пламя, огонь разгорелся, остановить его стало трудно.

И то, о чем беженцы уже устали говорить и чего мир не хотел даже и слышать, пока это говорили они, вдруг, через 20 лет, стало важным, «сенсационным разоблачением», как гласило в одном журнале заглавие статьи о цифрах и данных, ловивших Ситриным.

Как жаль, что мозг человеческий так медленно работает! Как жаль потерянных двадцати лет, в которые дали разгореться мировому пожару! Как жаль, что не нас пылушил земной шар, а французских и английских писателей, хотя все, что они сказали, мы сказали на 20 лет раньше их!

Но бог с ними! Не будем уподобляться гоголевским Бибичиному и Добчинскому и не будем спорить о том, кто первый сказал «э».

Хорошо хоть то, что появилось эхо наших голосов, хотя и долго заставившее себя ждать. Чьему бы голосу не удалось пробудить мир от его сна и заблуждения, лишь бы такой голос нашелся, пока еще не поздно.

Пождем этому голосу успеха и силы. Главное силы, так как кричать ему придется громко, чтобы приливом к человеколюбию и истине залушут призывы лжи и зла.